

ИССЛЕДОВАНИЯ 80–90-х гг. XX в. ПО ИСТОРИИ КАБИНЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИБИРИ (1747–1861 гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 03-01-00878а

Статья посвящена дискуссионным проблемам истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) и их решению в современной отечественной историографии.

Важным событием исторической науки в 1980-х гг. явилось издание многотомной «Истории крестьянства Сибири». М.М. Громыко совершенно справедливо заметила, что эта работа не только обобщает результаты исследований, проведенных после создания в конце 1960-х гг. «Истории Сибири», она отличается от предыдущего издания предметом изучения и кругом освещенных в ней проблем. Впервые в хронологической последовательности были поставлены и рассмотрены вопросы колонизации всей Сибири русскими людьми, определены роль и место крестьян в этом процессе, их вклад в развитие производительных сил края, создание сельскохозяйственных районов на восточной окраине России за Уралом.

Первый том этого фундаментального издания посвящен крестьянству Сибири эпохи феодализма. Наибольшее внимание в нем уделено положению различных категорий крестьян, правительственной политике по отношению к ним. Впервые в обобщенном виде рассмотрена игравшая важную роль в жизни крестьян община. Научной общественностью была особо отмечена значимость такого рода исследований для написания истории русского крестьянства всей страны от его возникновения до наших дней [15. С. 171–175; 18. С. 125–127].

Значительное место в «Крестьянстве Сибири в эпоху феодализма» отведено приписным крестьянам кабинетского хозяйства. Не только в специальной главе, но и в ряде разделов, в которых рассматриваются отдельные вопросы судьбы всех категорий крестьян, уделено внимание и приписным крестьянам. Новое в изучении их истории состоит в том, что в коллективной работе выделены в качестве объекта исследования источники формирования приписных крестьян, их экономическое положение, социальная сущность и повинности. В ней нашли отражение результаты работы Т.И. Агаповой и Г.П. Жидкова, которым принадлежит заслуга в обращении к истории приписного крестьянства в рамках кабинетского хозяйства как единого хозяйственного комплекса с учетом истории приписной деревни не только в районе Кольвано-Воскресенских, но и Нерчинских заводов.

Приписные крестьяне Сибири составляли незначительную часть ее сельского населения. В 1747 г., когда они перешли в ведение Кабинета вместе с демидовскими заводами, на их долю приходилось всего 2% от общего числа крестьян Сибири. Авторы рецензии на «Крестьянство Сибири...» не случайно обратили внимание на то, что государственным крестьянам (в середине XIX в. их было более миллиона душ м.п.) оказалось отведено места примерно столько же, сколько приписным крестьянам, в то время составлявшим всего 12% от общего числа крестьян Сибири [31. С. 225, 262, 264].

Такое положение, очевидно, можно объяснить ролью, которую сыграли приписные крестьяне Алтая и Восточного Забайкалья не только в развитии сельского хозяйства, но и в промышленном освоении Сибири.

Создание подобного рода коллективных работ предполагает максимальный учет всего достигнутого в изучении объекта исследования. Эта задача оказалась довольно сложной, так как в сибиреведении предшествующих десятилетий высказывались спорные суждения по ряду кардинальных вопросов истории кабинетского хозяйства и крестьян, которые после 1747 г. попали в пределы этого хозяйства.

Одним из наиболее спорных оказался вопрос о владельческой принадлежности Алтайских и Нерчинских заводов после передачи их в ведение Кабинета. Расхождения в ее определении не были устранены и с выходом в свет «Крестьянства Сибири...».

Первый том исследования посвящен истории сибирского крестьянства от его возникновения и развития до середины XIX в. Это время характеризуется как период позднего феодализма. Начало его в европейской части страны сопровождалось интенсивным закрепощением крестьян. Авторский коллектив первого тома «Крестьянства Сибири...» исходил из признания того, что за Уралом формирование и развитие крестьянства в целом происходило вне норм крепостного права. «В условиях непрекращающихся колонизационных движений и внутрисибирских миграций невозможно было внедрение крепостнического помещичьего хозяйства, – говорится во «Введении» к тому, – “система государственного феодализма” была единственно реальной для создания порядка общественных отношений, отвечающих строю позднефеодальной России» [31. С. 10].

В соответствии с данной позицией определены и кабинетские земли в Сибири как часть государственных земель, ограниченная в собственности короны, а коронное землевладение – это часть системы государственного феодализма, со ссылкой на монографию Г.П. Жидкова, концепция которого уже в 1960–70-е гг. вызвала принципиальное несогласие специалистов по истории горнозаводского производства в Сибири в целом и в кабинетском хозяйстве в частности [1, 3].

Важное место в «Крестьянстве Сибири...» заняло решение вопроса о социальной сущности приписного крестьянства. Оно оказалось чрезвычайно затрудненным из-за разногласий в определении степени феодальной зависимости крестьян кабинетского хозяйства. Авторский коллектив отдал предпочтение, как и в определении владельческой принадлежности кабинетского хозяйства, результатам исследования данной проблемы представителями новосибирской школы.

Не касаясь всех аргументов в пользу близости приписных крестьян кабинетского хозяйства по их статусу к государственному, остановимся на одном из тех, которые представители новосибирской школы считают наиболее вескими. В «Крестьянстве Сибири...» утверждается, что приписные крестьяне «имели право переселяться в пределах своего ведомства. Горное начальство снисходительно смотрело на самовольные переселения» [1. С. 271].

Специальному исследованию проблемы крестьянских переселений было положено начало М.М. Громыко еще в 1960-е гг. Ею справедливо было отмечено наличие объективного фактора для переселения крестьян во второй половине XVIII в. в районе Колывано-Воскресенских заводов благодаря большим пространствам неосвоенных под производство земель.

Автора прежде всего поразили масштабы переселений крестьян. М.М. Громыко установила их, используя материалы ревизских сказок. Когда обнаруживалось, что в предыдущих сказках не было отмечено наличие той или иной деревни, давалось пояснение, как они возникли, заселили их крестьяне с позволения или без оного со стороны горного начальства. Во многих ранее существовавших деревнях не оказывалось учтенных предыдущей ревизией крестьян. О них давалось разъяснение в виде записи против их фамилии: «переехал собой». Относительно вновь заведенных деревень также указывалось, что они основаны «переехавшими собой» крестьянами. М.М. Громыко усмотрела в этой формулировке вольный характер переезда крестьян, их право на свободное перемещение в пределах заводского ведомства. Они, на взгляд автора, считались беглыми лишь в случае ухода за его пределы. Внутри же района Колывано-Воскресенских заводов крестьяне могли переселяться по своей инициативе, заводить хозяйство на новом месте, основывать новые деревни. На основании такого решения проблемы о крестьянских переселениях М.М. Громыко пришла к заключению о большей, чем у помещичьих, самостоятельности у приписных крестьян и о том, что заводская администрация не вмешивалась в хозяйственную жизнь приписной деревни [17. С. 298–299].

Однако в использованных М.М. Громыко ревизских сказках оказался зафиксированным лишь сам факт переселений крестьян «собой» (без разрешения властей). В них не было необходимости отражать отношение к переселениям крестьян со стороны горного начальства. В условиях наличия огромного массива неосвоенных земель в заводском ведомстве сложилась практика введения в хозяйственный оборот новых участков. В «Крестьянстве Сибири...» верно подчеркивается, что в ходе миграций на протяжении XVIII в. крестьяне имели возможность приводить в культурное состояние новые земли, как и в самый начальный период колонизации Сибири русскими крестьянами. Но приведенные выше утверждения на страницах «Крестьянства Сибири...» о свободе крестьянских переселений и безразличном отношении к ним горного начальства не соответствовали тому, что было установлено исследованиями к концу 1960-х гг. и в 1970-е гг. К сожалению, в процессе работы надписанием истории крестьянства Сибири были приняты во внимание лишь позиции Г.П. Жидкова о личной свободе приписных крестьян, которые, как он утверждал, «нахо-

дились в поземельной зависимости, отчасти испытывали судебную зависимость, но никогда не состояли в личной зависимости от владельца округа» [23. С. 110].

Решительно не согласна с этим утверждением З.Я. Бояршинова, которая в одном из своих выступлений отмечала: «Если считать приписных крестьян лично независимыми от феодала-владельца округа, то становится непонятным, как без внеэкономического принуждения феодал мог заставить крестьян выполнять заводскую барщину. Уже сам факт прикрепления к заводам и запрещения покидать пределы заводского округа говорит о личной несвободе крестьян». Опираясь на выявленные архивные материалы, З.Я. Бояршинова особо подчеркивала, что крестьянские переселения запрещались не только за пределы Колывано-Воскресенского округа, но и внутри него, из одной волости в другую [5. С. 360].

Следует обратить внимание на еще один момент, характеризующий представление об отношении к крестьянским переселениям со стороны горнозаводского начальства. Выгодность приведения в культурное состояние новых земель была очевидной для царской администрации, как утверждается в «Крестьянстве Сибири...» со ссылкой на мнение бригадира А. Безра как одного из представителей администрации на Алтае, который в 1745 г. в рапорте вполне определенно выразил мнение о выгоде самовольного заселения крестьянами новых земель, так как оно обеспечивает хозяйственное освоение территории».

Что касается отнесения А. Безра к «представителям администрации Алтая», в 1745 г. он таковым еще не являлся. Тогда он возглавлял комиссию, готовившую передачу демидовских заводов Кабинету. Начальником Колывано-Воскресенских заводов его назначили в 1747 г. Пройдет всего 4 года после этого, и он с большой озабоченностью сообщит Кабинету: «Крестьяне многие по здешним степным и лесным местам в широком расстоянии собою переселивались, где кто хотел и например написан в Бердском остроге, а живет под Бийскою крепостью, а Бийский живет под Бердскою... иные написаны под Чаусскою согнею, а живут в Бердском и живут однодворками и малыми деревнями» [70. Оп. 18. Д. 93. Л. 243].

Отмеченный А. Безром факт многочисленных переселений крестьян стал объектом пристального внимания горного начальства на многие последующие десятилетия. Он же стал и объектом дальнейшего изучения сибиреведами. В 1978 г. в самый разгар работы над созданием «Крестьянства Сибири...» была опубликована статья Ю.С. Булыгина, посвященная социальной сущности приписного крестьянства по материалам крестьянских переселений внутри заводского ведомства. Как и З.Я. Бояршинова, Ю.С. Булыгин пришел к убеждению, что из масштабов переселений крестьян нельзя делать вывод об их свободе [8].

Однако выводы З.Я. Бояршиновой и Ю.С. Булыгина о социальной сущности приписных крестьян в процессе создания «Крестьянства Сибири...» не были учтены, равно как и результаты исследования К.В. Русакова по данной проблеме [48].

Представляется не очень обоснованным утверждение Т.С. Мамсик, полагающей, что «гипотеза крепостнического статуса» приписного крестьянства находила подтверждение в единичных фактах [38. С. 7].

В этой связи очень важно учитывать, в какой степени документально подтвержденными являются выводы о социальной сущности приписного крестьянства по материалам крестьянских переселений внутри заводского ведомства. Опыт исследования данной проблемы показывает, насколько значимым оказывается введение в научный оборот того, что еще не было достоянием науки. Об этом свидетельствует изучение истории освоения приписными крестьянами Кулундинской степи.

В начале 1970-х гг. по поводу создания первых деревень по инициативе самовольно переселившихся в Кулундинскую степь крестьян А.Д. Колесников писал: «Сначала заводские власти пытались выселить самовольных переселенцев на их прежние места жительства, но из этого ничего не получилось (подчеркнуто мною. – А.Ж.). На Кулунду выехал начальник заводов Христиани, который нашел, что «место в имеющихся при речке Кулунде двух деревнях: в Черемшанской и Андроновой к жилью человеческому и к содержанию скота изобильное, к хлебопашеству земель есть довольно лесов на строение также немало». 21 июня 1756 г. по решению Христиани было дано указание самовольным переселенцам на р. Кулунде «жить невозбранно, точию в оные деревни как заводского, так и заводского ведомства никуда не пущать» [30. С. 294].

Дальнейшее изучение истории заселения крестьянами Кулундинской степи позволило внести существенные коррективы в заключение А.Д. Колесникова по поводу того, что у горного начальства «ничего не вышло» с попыткой выселения новопоселенцев в прежние места жительства.

В сентябре 1754 г. Чаусская судная контора направила в канцелярию горного начальства крестьянина Афанасия Заикова, самовольно переехавшего на Кулунду. Он объяснял свой переезд «не для чего иного как только для одного рыбного и звериного тут промысла» и «не со всем своим семейством, а только с женою, оставя в д. Луговой в своем доме детей». В ходе допросов выяснилось, что судная изба требовала от Заикова возвращения вместе с женою в д. Луговую, чего он не выполнил «по сущей простоте своей от малорассудия своего думая, что он не совсем там семейством съехал и в нем оставленными детьми в доме никакой нужды не состоит». За самовольный «для жительства» (крестьянину не удалось провести начальство) переезд в д. Кулундинскую его наказали батогами, после чего обязали «впредь жить на том прежнем месте» в д. Луговой. В 1784 г. в той деревне жил сын А. Заикова с детьми, в ней было еще несколько семей Заиковых, возможно, его детей [69. Оп. 1. Д. 31. Л. 1434].

Летом 1755 г. у крестьянина Малышевской слободы Е. Полковникова, как сообщили из судной избы в канцелярию горного начальства, были «поколоты семь лошадей». Пострадавший «просил Малышевскую судную избы взыскать убыток с крестьянина И. Андронова, живущего во вновь заведенной деревне Кулундинской в пределах ведения Бердской судной избы. Начальник заводов С. Христиани сделал запрос в Бердскую судную избы, откуда и на каком основании переехали в д. Кулундинскую ее жители. Оказалось, что в 1747 г. на Кулунде поселились 8 семей из д. Жарковой, в 1749 г. – 5 семей из д. Ересной (обе ведения данной судной избы), 8 семей из деревень Чингинской, Дрествянской Малышевской слободы. В 1750 г., продав

свой дом в д. Самсоновой Бердского острога, переехал на Кулунду Г. Белозеров (за что уже был наказан плетьюми в 1752 г. и со старосты спрашивалось, с чьего позволения Белозеров продал дом). В 1753 г. сюда переехали из Томска ясашные М. Булатов и М. Рошкетяев.

Осенью 1755 г. в Кулундинские деревни, на коште живущих там крестьян, был направлен шихтмейстер В. Беэр с казаками для высылки всех их в прежние места жительства. В пяти населенных пунктах (деревнях Черемшанской, Андроновой и трех еще не имевших названия) оказалось 38 дворов. Только четверо крестьян, как сообщил В. Беэр в канцелярию горного начальства, были оставлены в деревнях Черемшанской и Андроновой, их лошади были взяты для сопровождения всех высланных на прежние места жительства. «Дворы 34 крестьян... все до единого разломал», – докладывал В. Беэр. И. Белозерова в момент выселения крестьян с Кулунды дома не оказалось, он был в Кольванском заводе «за продажей скота своего». Его жену «со всем скотом и животом» казаки перевезли в д. Белкову Малышевской слободы и передали десятнику.

По поводу оставленных не разломанными четырех дворов канцелярия горного начальства 9 декабря 1755 г. направила в Малышевскую судную избы указ с предписанием «весною по сходе снегу в деревнях Кулундинских оставшие шихтмейстером Бээр без разломки четыре двора разломать и жить тут крестьянам отнюдь никому не давать но высылать в прежние жилища» и только после всего этого летом 1756 г. С. Христиани, наконец, разрешил не ломать эти дворы, а их хозяевам остаться здесь жить. Все повинности они были обязаны выполнять вместе с крестьянами по старому месту жительства. Это касалось и других жителей позднее вновь заведенных деревень в Кулундинской степи [71. Д. 166. Л. 78, 79, 85, 88, 90, 91, 94; Д. 211. Л. 19, 21, 23, 29].

Таким образом, то, что было «сначала», и то, что происходило после разрешения С. Христиани крестьянам остаться на Кулунде, разделяет драматическая ситуация, вызванная насильственным возвращением на прежние места жительства 34 семей.

Что касается отношения горного начальства и Кабинета к переселениям крестьян внутри заводского ведомства, оно установлено не по отдельным фактам, а является результатом сплошного изучения материалов миграций крестьян, отложившихся в делопроизводственной документации в фондах судных, земских изб, волостных правлений, канцелярии горного начальства и Кабинета.

Горному начальству постоянно приходилось иметь дело с самовольными переселениями крестьян, которые оно стремилось всеми мерами пресечь. Масштабы крестьянских переселений были значительны. Между III и IV ревизиями только в пределах ведения Бийской земской избы из одних деревень в другие переехало около 230 семей. В Томском, Кузнецком уездах переехавшими крестьянами было основано 242 новых населенных пункта, в 13 деревнях Чумышской, Тальменской, Боровлянской, Белоярской слобод поселилось в 1793–1795 гг. 228 душ м.п. Переселившиеся на новое место жительства крестьяне имели там «дома и хлебопашество». Между IV и V ревизиями, а также после 1795 г. в Тарсминской слободе переехала 91 семья, в пределах Барнауль-

кой, Чарышской, Касмалинской земских изб – 82 семьи [69. Д. 27. Л. 121, 161, 185, 197, 251, 290; Д. 28. Л. 80, 95, 100, 134, 166; Д. 29. Л. 1, 11, 21, 38, 39, 52, 97, 101, 103, 113, 120, 168, 190, 230; Д. 32. Л. 521; 69. Д. 231. Л. 297, 298, 307–315].

В результате крестьянских переездов к концу XVIII в. территория между реками Обью, Бией, Чулымом оказалась довольно густо заселенной. По инициативе крестьян во второй половине XVIII в. появились многочисленные поселения в верхнем, среднем, а также нижнем течении Кулунды [7. С. 103, 108].

С конца XVII в. продолжали издаваться указы канцелярии горного начальства о запрещении крестьянских переселений. В сентябре 1797 г. в бессчетный раз обязали управителей объявить всем крестьянам, чтоб никто из них не переселялся и ничем нигде не обзаводился, а десятникам приказали никого из деревень не отпускать. Особо подчеркивалась ответственность тех, кто из своего селения отпустит, равно как и тех, кто позволит самовольно переселившемуся крестьянину жить в деревне.

Но горному начальству оказалось невозможно преодолеть крестьянскую инициативу. В результате массовых переселений в Кулундинскую степь возникла Кулундинская слобода, в ведении которой в 80-е гг. XVIII в. находилось 29 населенных пунктов с числом жителей 1882 души м.п. В конце XVIII в. из нее была выделена Бурлинская волость. В 1802 г. при обследовании крестьянских селений в Кулундинской степи было обнаружено еще 16 новых деревень, основанных самовольно переселившимися крестьянами [30. С. 296–298].

Кабинет, считая такое положение недопустимым, в 1805 г. потребовал от канцелярии горного начальства, чтобы никто из крестьян без ее ведома не осмеливался переселяться. Выполнить это распоряжение горное начальство не смогло. Во время проведения VII ревизии обнаружилось «переселение крестьян в большой степени» в отдаленные от трактовых дорог и заводов места. В 1817 г. последовал новый указ Кабинета, на основании которого управители по требованию горного начальства объявили в каждом селении, «чтоб всякой крестьянин, где кто по сказкам 7 ревизии состоит, непременно тут бы жительством и оставался и впредь никому ни под каким видом никакого позволения без особого на то разрешения канцелярии не чинить». Крестьян предупреждали, что если они и после этого переселятся самовольно, то «не только будут на старые жилища возвращены: но сверх того и оштрафованы». Со всех крестьян взяли подписку в том, что они «без особого позволения никого на жительство из других селений по самовольному переселению принимать не согласны» [72. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. Л. 159–160, 162].

Самовольно переселившиеся крестьяне стремились узаконить свое проживание на новом месте. Как и во второй половине XVIII в., распространенной была форма обращения крестьян за разрешением на уже состоявшийся переезд [72. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. Л. 473, 475].

Что касается исполнения указа Кабинета 1817 г. о запрещении крестьянских переселений, горное начальство вынуждено было признать, что ничего не изменилось к лучшему. В конце 1819 г. канцелярия горного начальства издает новый указ по поводу того, что крестьяне не перестают подавать прошения, причем, как и прежде, после

переезда на новое место «с объявлением, что они там уже имеют жительство или производят хлебопашество с некоторым домозаводством». К тому времени только из одной Белярской волости переселилось 40 душ м.п., а в волости Боровлянскую, Тальменскую, Чумышскую, Белярскую – 110 душ м.п. На заимки уже после проведения ревизии в пределах Боровлянской волости переехало 65 чел. По четырем вышеназванным волостям, находившимся в ведении управителя Зубарева, на новые места жительства всего переехало 880 душ м.п. [72. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4. Л. 5, 57, 75].

Канцелярия горного начальства распорядилась всех крестьян, которые переселились в 1819 г., «несмотря ни на что выслать каждого туда, где ныне по ревизским сказкам наличными состоят». Она потребовала от земских управителей регулярной подачи рапортов об отсутствии за истекшее время самовольных переселений.

Телесные наказания крестьян в указах Кабинета и горного начальства стали упоминаться редко. Управители должны были руководствоваться тем, что «всякое своевольное заведение продаваемо будет с аукциона», а жители селений, откуда крестьяне осмелятся переезжать на новые места, будут штрафовать «чувствительною пенью». С «лучших людей» взяли подписку в том, что жители каждой деревни будут строго следить друг за другом, старейшины и десятники – наблюдать, чтобы никто «в их селениях самовольно не поселился и не выезжал» [72. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5. Л. 168, 170, 172–177].

Между тем переселения пресечь не удалось. Продолжалось интенсивное заселение Кулундинской степи. К началу 20-х гг. XIX в. из существовавших с конца XVIII столетия Кулундинской и Бурлинской волостей выделены еще две – Нижне-Кулундинская и Карасукская. К концу первой четверти XIX в. в Кулундинской степи насчитывалось уже 120 населенных пунктов с числом жителей 9568 душ м.п. Как и во второй половине XVIII в., она продолжала оставаться одним из районов активного освоения крестьянами по их инициативе [30. С. 296–298].

В это время в большей степени проявляется стремление Кабинета через горное начальство привлечь всех крестьян заводского ведомства, в том числе и сельскую администрацию, к предотвращению крестьянских переселений. Когда в январе 1819 г. обнаружилось в 40 верстах от озера Чаны два выселка, заселенных с 1814 г. без позволения, канцелярия горного начальства распорядилась: «Хотя крестьяне переселились самовольно и от заводов в отдалении, но потому только, что они там обзавелись домами, производят хлебопашество и скотоводство... дабы их в хозяйстве не расстроить... оставя их на тех местах всегдашним жительство», с будущего 1820 г. причислить Дьякова «с товарищи» к Суманской, а Бобровых и Сотникова – к Верхне-Урюмской деревням. В целях усиления ответственности сельских и волостных начальников в пример прочим» с каждого из бывших в 1814 г. волостных голов и старост в Бурлинской и Касмалинской волостях взыскивать штраф в размере 20 р. С управителей Никитина и Фитцнера, в ведении которых находились эти волости, взыскали штраф в размере месячного жалования. Всем земским управителям «нанежайше и в последний раз» предписывалось «своевольное крестьян переселение ограничить, чтоб его нигде и ни под каким предлогом не было, внуша всем крестьянам

иметь строгое за сим наблюдение». В противном случае, как объявлялось в указе, «крестьяне как послушники будут наказываться, сельские начальники штрафовать, а управители – отрешаться от должности как неисполнители». В волостных правлениях сельские старшины и «лучшие люди» всех деревень в присутствии волостных голов и старост дали подписку, «дабы крестьяне самовольно из одного места в другое переселение без позволения на то начальства ни под каким видом делать не отваживались» и обязались «общими силами смотреть друг за другом» [72. Ф. 66. Оп. 1. Д. 57. Л. 254, 259, 267–287].

15 апреля 1821 г. издается новый указ канцелярии горного начальства, по которому крестьянина В. Харева за самовольное переселение из д. Лушниковой Боровлянской волости в д. Балвашкину Касмалинской волости оштрафовали на 15 р., а с жителей д. Лушниковой и д. Балвашкиной «за недосмотрение за таковым самовольством» взыскали по 25 р. штрафа. Старшин этих двух деревень каждого обязали заплатить по 10 р., волостных начальников обеих волостей – по 15 р. По всем селениям заводского ведомства были отправлены волостные писари или их помощники для объявления крестьянам, чтобы впредь никто из них не осмеливался самовольно переселяться.

15 июня того же года на основании указа канцелярии по делу о переселении крестьян д. Вяткиной А. Соснина и К. Вяткина в д. Легостаеву и Шипунову в пределах одной и той же Барнаульской волости голову П. Шадрину и писаря И. Лихачева отстранили от должности, отдали «в работу в Барнаульский завод», первого – на одну неделю, второго – на полмесяца, Соснина и Вяткина, а также сельских старшин деревень Вяткиной, Легостаевой и Шипуновой, допустивших переселение, оштрафовали на 15 р. каждого, крестьян каждой из этих деревень – на 25 р. [72. Ф. 62. Оп. 1. Д. 13. Л. 286, 384].

Управитель Власьевский в течение 1821 г. еженедельно доносил канцелярии, что по его ведомству переселений крестьян не было. Когда же стало известно, что он «своеволью» разрешил крестьянину Лопаткину «с товарищи» из Енисейского села поселиться по речке Бехтемир, горное начальство распорядилось: выдержав его на хлебе и воде» две недели под арестом, отстранить от должности и определить в Томский завод для использования там по усмотрению управляющего заводом [73. Ф. 61. Оп. 1. Д. 64. Л. 123].

Таким образом, свободы крестьянских переселений не было даже в пределах одной волости, не говоря уже о всей территории заводского ведомства. Что поразительнее всего – самые суровые наказания не предотвращали крестьянских переселений. По данным К.В. Русакова, только в первой трети XIX в. в переселениях внутри заводского ведомства участвовали около 30 тыс. душ м.п. Как и ранее, преобладали переселения крестьян на незначительные расстояния. О масштабах самовольных переселений дают возможность судить сведения о населенных пунктах, основанных без ведома властей. За первую треть XIX в. самовольно переселившимися крестьянами было основано 80 новых поселений, 134 – по указам горного начальства. Однако оказалось, что и эти 134 деревни были основаны по инициативе крестьян [48. С. 93–95].

Вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что ни во второй половине XVIII в. (а именно примени-

тельно к этому времени в 1960-е гг. М.М. Громыко сделала вывод о свободе крестьянских переселений), ни позднее Кабинет и горнозаводская администрация не были равнодушны к переездам крестьян. Факты, отражающие крестьянские миграции в районе Колывано-Воскресенских заводов за 1747–1830-е гг., дают веские основания для принципиального возражения против утверждения в «Крестьянстве Сибири...»: «Горное начальство снисходительно смотрело на самовольные переселения, если крестьяне при этом не уклонялись от заводской повинности. Строже стали преследовать переселения в горных округах Кабинета в 1830-х гг. в связи с передачей крестьян в ведение Министерства финансов» [31. С. 271].

Телесные наказания, разрушение в новых местах «до почвы» домов и хозяйственных построек крестьян, возвращение их на прежние места жительства, наказание представителей сельской администрации за несвоевременную информацию или утайку о самовольно переехавших крестьянах, наказание управителей, иногда бравших на себя выдачу разрешения на переезд крестьян, – все это, представляется, убедительное свидетельство того, что нет оснований усматривать наличие свободы крестьянских переселений внутри заводского ведомства. По данным Т.П. Прудниковой, крестьянские переселения не были свободными на кабинетских землях не только до реформы 1861 г., но и какое-то время после нее [46. С. 155].

Сложившейся в сибиреведении ситуации в изучении кабинетского хозяйства была дана оценка Н.А. Миненко в монографии, написанной в соавторстве с Л.М. Горюшкиным и посвященной историографии Сибири дооктябрьского периода. Н.А. Миненко совершенно справедливо сконцентрировала внимание на очень значительных расхождениях между историками в решении проблем социальной сущности приписного крестьянства. Автор принадлежит к новосибирской школе ученых, полагающих, что приписные крестьяне кабинетского хозяйства были частью государственных крестьян или, по крайней мере, к ним ближе, чем к помещичьим. На взгляд Н.А. Миненко, М.М. Громыко доказала несостоятельность вывода о крепостной зависимости алтайских крестьян, разделяемого А.П. Бородавкиным, А.Н. Жеравиной, Ю.С. Булыгиным, С.С. Лукичевым [16. С. 62, 72–73].

К сожалению, Н.А. Миненко не учла того, что в опубликованных на протяжении 1970 – начала 1980-х гг. работах благодаря широкому использованию архивных материалов, в большинстве своем впервые введенных в научный оборот, была обоснована ошибочность представления о свободе крестьянских переселений, хозяйственной самостоятельности приписных крестьян, их праве выбора видов хозяйственной деятельности. Сопоставление документальной базы оппонентов выше указанной позиции представителей новосибирской школы могло бы позволить Н.А. Миненко дать более объективную оценку их выводов, имеющих концептуальное значение.

Вторая половина 1980-х – 1990-е гг. ознаменовались сохранением стойкого интереса к истории кабинетского хозяйства. Это нашло отражение в заметном расширении круга исследуемых вопросов. Наряду с продолжением изучения хозяйственного освоения кабинетских земель на Алтае, появились работы, посвященные изучению мелко-товарного уклада в приписной деревне и перерастания его

в буржуазный уклад. К такому выводу пришла Т.С. Мамсик на основании обработки материалов окладных книг Кайлинской волости за 1827 и 1850-е гг. [34, 36, 38–40]. Составленные Т.С. Мамсик модели группировки крестьянских хозяйств дают возможность проследить их состояние с учетом общепринятого деления на бедняцкие, середняцкие и зажиточные.

Материалы окладных книг алтайской приписной деревни находятся в центре научно-исследовательского интереса С.И. Толстова [57, 59–65]. Огромная заслуга его состоит в организации большой группы студентов Томского педагогического университета для изучения в его спецсеминаре проблем современного крестьяноведения по материалам алтайской приписной деревни.

Значительный интерес представляют результаты исследования экономического положения приписной деревни Алтая в конце XVIII – первой половине XIX в. [13].

Как это присуще работам Ю.С. Булыгина, детальному изучению приписной деревни Алтая в XVIII в. посвящена его последняя, итоговая монография. Автор обобщил результаты многолетних разысканий на базе огромного массива архивных материалов. Формирование и социальная сущность приписного крестьянства, заводские отработки крестьян Алтая, их натуральные повинности, рекрутская повинность, основные отрасли крестьянского хозяйства, товарно-денежные отношения, реализация продуктов крестьянского хозяйства, землепользование в приписной деревне – один перечень вопросов, исследованных в монографии, свидетельствует о том, что Ю.С. Булыгин успел подвести общий итог своих результатов по изучению истории приписного крестьянства Алтая XVIII в., чему он посвятил более сорока лет [9].

История городов, горнозаводских поселков также оказалась в центре внимания исследователей [4, 10, 11, 25, 44].

Важное место в современном сибиреведении заняло изучение системы управления приписной деревней и горнозаводского комплекса в целом [52, 54–56]. Управлению кабинетских земель в комплексе с системой управления Уралом посвящена кандидатская диссертация М.В. Кричевцева [32]. Подряды как источник накопления капиталов в рамках кабинетского хозяйства стали объектом исследования для В.Н. Разгона [5. С. 411–474, 49, 50. С. 157–256]. Повседневные формы социального протеста крестьян приписной деревни, особенности крестьянских выступлений во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. исследованы в работах Т.С. Мамсик, И.В. Побережникова [35, 36].

Особого внимания заслуживает подведение Н.А. Миненко некоторых итогов изучения грамотности, исторических, географических знаний крестьян Сибири, исследование фольклора, обычаев, обрядов в крестьянской среде, духовной культуры [41].

Таким образом, анализ результатов изучения истории кабинетского хозяйства убеждает в том, как много сделано сибиреведами за последние полтора-два десятилетия. И тем не менее предстоит еще достаточно серьезная работа, связанная с необходимостью завершения затянувшейся дискуссии по самым кардинальным вопросам – по проблеме природы кабинетского хозяйства и социальной сущности приписного крестьянства.

Сохраняющиеся до сих пор расхождения по этим вопросам нашли отражение и в учебных пособиях. В одном из них Колывано-Воскресенские заводы в составе кабинетского хозяйства определяются как личная собственность царствующих императоров [2, 26, 27, 45], в других делается акцент на сословной близости приписных крестьян с крестьянами государственной деревни со ссылкой на приводившиеся выше положения, зафиксированные в «Крестьянстве Сибири в эпоху феодализма» [42].

Сохранение разногласий в определении собственности кабинетского хозяйства не позволяет приступить к реконструкции его исторического прошлого, как справедливо считает Т.Н. Соболев [53. С. 6]. Поэтому вполне оправданным является стремление исследователей вновь вернуться к решению этой проблемы. Не случайно с этого и начинает свое монографическое исследование истории приписных крестьян Алтая Ю.С. Булыгин. Он пишет: «Для определения социальной сущности приписного крестьянства Алтая важнейшее значение имеет понимание владельческой принадлежности алтайских горных заводов всего Колывано-Воскресенского горного комплекса, с которым приписные крестьяне были не просто связаны, а составляли его неотъемлемую часть... кто был собственником заводов и рудников, земли горного округа, на которой жили приписные крестьяне?» От ответа на этот вопрос «зависит определение социальной сущности приписного крестьянства», – заключает Ю.С. Булыгин [9. С. 22]. Ответ на поставленный Ю.С. Булыгиным вопрос имеет принципиально важное значение для определения собственника всего горнозаводского комплекса под управлением Кабинета, в состав которого с 1787 г. были включены и Нерчинские заводы «...на таком же основании, как состоят Колывано-Воскресенские заводы» [65. Т. 22. № 16496].

Следует признать достаточно плодотворными размышления Ю.С. Булыгина по поводу терминологии, которая используется исследователями в определении собственника кабинетского хозяйства. Никем, кроме него, ранее не обращалось внимание на неточность термина «кабинетское землевладение», поскольку Кабинет был лишь управляющим хозяйством, возникшим на Алтае с 1747 г. Совершенно очевидна неоднозначность содержания понятий «управление» и «владение». В этой связи следует признать неоправданным название статьи, посвященной анализу законодательства как источника для определения собственника кабинетского хозяйства [21].

Ю.С. Булыгин допускает возможность использования, вслед за Г.П. Жидковым, применительно к кабинетскому хозяйству термина «коронное землевладение». Однако он вкладывает в него содержание, не совпадающее с представлением Г.П. Жидкова, который «коронную собственность» рассматривает равнозначной понятию «кабинетская собственность», считая ее частью государственной собственности [23. С. 54]. Основным выводом Ю.С. Булыгина сводится к признанию всего горнозаводского комплекса на Алтае частной собственностью российского императора независимо от того, как бы ее ни называли [9. С. 23–31].

Заслуживают внимания размышления Т.Н. Соболевой, которая попыталась уловить связь истории кабинетского хозяйства на Алтае с общероссийскими процессами

ми. По признанию автора, более углубленное изучение этих процессов «заставило отказаться от ранее декларируемого взгляда на Кольвано-Воскресенский округ как на государственную собственность и разделить мнение тех ученых, которые подчеркивают ее сложный характер [53. С. 6]. Под сложным характером принято считать сочетание в кабинетском хозяйстве государственного и частнособственнического начал.

Особое внимание Т.Н. Соболева концентрирует на противоречивом влиянии быстрого роста чиновничества, укрепления его позиции на российскую политическую ситуацию. «С одной стороны, – пишет автор, – бюрократия превращалась в опору самодержавия, а с другой – она делала верховную власть заложницей административного аппарата, ограничив ее контролируемые функции к средним и низшим слоям чиновничества. Это подрывало царскую монополию на политическую власть. В результате в XVIII в. были нарушены принципы вотчинного политического строя, что свидетельствовало о начале ее разложения» [53. С. 10].

Речь идет о явлениях в политической истории 80-х гг. XVIII в. Вряд ли приложимо вышеприведенное высказывание Т.Н. Соболевой к этому времени и можно считать нарушенными принципы «вотчинного политического строя». Екатерина II, ставшая «Матерью Отечества» на основании решения Уложенной комиссии, продолжала ею оставаться. Укрепление дворянской диктатуры на местах путем проведения губернской реформы 1775 г. также не ослабило ее собственных позиций в политической системе страны. А рост престижа России на международной арене, зафиксированный на Тешенском конгрессе 1778–1779 гг., еще более укрепил положение императрицы и внутри страны. Т.Н. Соболева считает важным показателем процесса подрыва царской монополии на политическую власть завершившееся при Екатерине II отделение личной канцелярии главы государства от «материальных дел» императрицы, средоточием которых становился Кабинет Е.И.В. На основании анализа именного указа Кабинету от 16 июля 1786 г. «О новом устройстве оного» автор приходит к заключению: «Его (кабинета. – А.Ж.)» комнатная сумма после 1786 г. была в определенной степени ориентирована на удовлетворение общегосударственных потребностей. Это касалось в первую очередь установленных законом окладных расходов» Т.Н. Соболева приводит размеры этих расходов по подсчетам М.В. Кричевцева за 1789 г. Расходы на пенсии, «единовременные выплаты по разным случаям и в пожалованья» придворным, военным чиновникам, мастерам искусств, на содержание административного аппарата кабинета, подчиненных ему учреждений, благотворительные выдачи поглощали 84% доходов Кабинета. И только 16% из них шли на удовлетворение пристрастий и личных прихотей Екатерины II [53. С. 11].

Похоже, что Т.Н. Соболева имеет в виду расходы Кабинета за счет доходов, которые поступали от управляемого им хозяйства в Сибири. При анализе вышеназванного указа о новом устройстве Кабинета Т.Н. Соболева наибольшее внимание уделяла анализу трех (9, 13, 14-го) из 16 пунктов этого документа и не учла того, что во 2-м пункте указа говорится о наличных в Кабинете деньгах и вещах, которые должны были храниться «в казенной», куда доходы с

Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов не помещались. Уже с конца 40-х гг. XVIII в. к 1786 г., именованным указом от 18 декабря было подтверждено: «...заводы... Кольвано-Воскресенские состоят в ведении Е.И.В. и доход от них получаемый вносится в комнатную сумму» [22. С. 87–92; 65. Т. 22. № 16496].

Именованным указом 16 июня 1786 г. предусматривался порядок распоряжения Кабинетом деньгами и вещами не из доходов от горнозаводского комплекса в Сибири.

Еще в 80-е гг. анализ материалов дискуссии о владельческой принадлежности кабинетского хозяйства, проведенный Н.А. Миненко, содержал в себе момент определенной заданности. Как недавно это особо подчеркнул С.И. Толстов, он оказался подчиненным «строгому и методичному развенчиванию выводов... несговорчивых историков» (томской школы. – А.Ж.). С.И. Толстов обратил внимание на подобранные соответствующие формулировки: аргументы представителей старой концепции... «не выдерживают критики», «нет убедительных доказательств», «фактический материал говорит в пользу выводов, к которым пришли М.М. Громыко, Г.П. Жидков и их единомышленники» [60. С. 162].

Для представителей новосибирской школы признанным классиком в изучении истории кабинетского хозяйства является Г.П. Жидков. Само собой для них разумеется наличие в его концепции убедительных доказательств, что имеет непосредственное отношение и к решению вопроса о владельческой принадлежности кабинетского хозяйства.

Сегодня способ доказательства Г.П. Жидковым его позиции в этом вопросе производит, мягко говоря, довольно странное впечатление. Автора данных размышлений крайне удивляет еще с конца 1960-х гг. игнорирование Г.П. Жидковым законодательных актов, которыми предусматривалось осуществление изъятия демидовских заводов, уже тогда возникал вопрос, почему Г.П. Жидков ограничился ссылкой на монографию Б.Б. Кафенгауза там, где писал о том, что указом 1 мая 1747 г. Елизавета Петровна «повелела взять на себя алтайские заводы покойного Акинфия Демидова с уплатой наследникам вознаграждения в 40 тыс. руб., поскольку алтайские руды содержали высокий процент серебра и это не являлось тайной» [23. С. 61]. При этом ссылки на страницы монографии Б.Б. Кафенгауза ничего не проясняют, так как там нет упоминания ни указа 1 мая 1747 г., ни того, что наследники Демидова получили 40 тыс. р. [28. С. 178–179, 214]. Сегодня встречаются указания со ссылкой именно на Г.П. Жидкова об этой компенсации, полученной наследниками А. Демидова [12], хотя известно, что дело обстояло с этим совсем не так.

Комиссия, которой поручалось обеспечить передачу Кольвано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета, должна была всем «строениям и рудам сделать опись и оценку... для знания того, что должно будет наследникам его из казны нашей заплатить». Напрашивается вопрос, не потому ли, чтобы заплатить наследникам из государственной казны, указ от 12 мая 1747 г. назван был «О взятии в казну Кольвано-Воскресенских и прочих заводов Акинфия Демидова»? (подчеркнуто мною. – А.Ж.).

Правительственная комиссия прием заводов закончила только в 1750 г. По оценке Демидовых, они стоили 50 799 р. 18 к. Канцелярия Кольвано-Воскресенского

горного начальства оценила их почти вдвое дешевле – в 29 445 р. 27 1/2 к. Но наследники Демидова и этой суммы не получили, так как она была зачтена за долги, что предусматривалось указом: «...в таковую заплату зачитать то, ежели оный покойный Демидов и его наследники в казну Нашу должны» [19. С. 332; 66. Т. 12. № 9403. С. 7].

Таким образом, вероятно то, что в названии указа от 12 мая «О взятии в казну...» заключался глубокий смысл. Компенсация за взятые у Демидовых заводы должна была производиться за счет государственной казны. Из названия указа от 12 мая 1747 г. в сочетании с «указали мы взять на Нас» эта формула зафиксирована, как известно, в указе от 1 мая, и можно, казалось бы, безошибочно заключить об изъятии Кольвано-Воскресенских заводов императрицей как носительницей верховной власти в стране. Но в обоих указах присутствует положение, не объяснимое в этом их толковании. В специально выделенном пункте указа от 1 мая подчеркивалось: «...а то число денег, что... крестьяне зарабатывают, отдавать в те места, куда оные собирать положены». Указ от 12 мая давал разъяснение, в какие «те места» следовало отдавать заработанные крестьянами деньги: «...подати государственные по 70 копеек... от заводов и отдаваться будут в Нашу казну, а подати помещиковы по 40 копеек, куда надлежит».

Поскольку «подати помещиковы» с момента введения Петром I подушной подати отдавались в государственную казну, то вторая часть подати шла в распоряжение императрицы не в качестве денег, составлявших часть государственной казны. Она поступала в «комнату Е.И.В.». В этой связи исключительное значение имеет сообщение главного горного начальника Эйхенвальда, с которым в течение целых четырех часов вел беседу немецкий ученый ботаник А. Брем. Во время путешествия по Западной Сибири в 70-е гг. XIX в., будучи в Барнауле, А. Брем узнал от Эйхенвальда, что алтайские крестьяне за пользование землей платили 6 р. с души м.п., из которых 4 р. 50 к. поступали в царскую, а 1 р. 50 к. – в государственную казну, что подтверждает действие указов от 1 и 12 мая 1747 г. и после реформы 1861 г. [6. С. 108, 120].

Естественно возникает вопрос, почему в 1747 г. императрица не объявила открытым текстом об изъятии заводов в свою пользу как помещицы? Может быть, это было связано со стремлением компенсировать стоимость их за счет государственной казны в случае, если бы пришлось эту компенсацию делать? Важным является обстоятельство, подчеркнутое одним из потомков А. Демидова П.Н. Демидовым. Он пишет: «Беэр на основании данной ему инструкции от 11 августа 1746 г. предписал берглейтенанту Христиани воспретить прикащикам Демидова плавку медных руд, серебряную продолжать уже казенным иждивением; при чем назначено описать заводы для принятия в казенное содержание».

Все сие подтверждено и Высочайшим указом, состоявшимся 1 мая 1747 г. на имя бригадира Беэра, коим ему повелено отправиться опять на Кольвано-Воскресенские заводы для принятия оных в собственность Ея Величества» [24. С. 34].

Доказательством в пользу того, что заводы с прилегающими к ним землями становились собственностью царствующей особы на помещичьем праве, является все последующее законодательство.

Исключительное положение Кольвано-Воскресенских заводов с 1747 г. не сразу было усвоено даже центральным органом управления горной промышленностью России. В мае и июне 1747 г. Берг-коллегия возвратила начальнику заводов А. Беэру «промемерии... по случившимся необходимым делам». Чрезвычайно задетая тем, что начальник заводов «осмелился обратиться к ней не «доношениями», а «промемериями», Берг-коллегия заявила, что она «учреждена над горными заводами», по отношению к которым является «единым судьей», и потому не обязана выполнять их требований. А. Беэр же исходил из предписания императрицы: руководимая им канцелярия Кольвано-Воскресенских заводов «без указа себя оной и другим коллегиям подчинить не смеет». «Доношениями» власти сносились со своим начальством, обычно они заканчивались испрашиванием указной резолюции. «Промемерии» же определяли «сношения равных по значимости либо просто не находящихся друг у друга в подчинении учреждений и должностных лиц».

Не приняв доводов А. Беэра, Берг-коллегия продолжала настаивать на своем, пока Сенат в специально изданном по этому поводу указе «О сношении Берг-коллегии с канцеляриею Кольвано-Воскресенского горного начальства промемериями, а не доношениями» не разъяснил, что бывшие заводы А. Демидова по указу 12 мая 1747 г. «взяты на Ее Императорское Величество», состоят под единым Е.И.В. управлением и под ведением Ея императорского Величества Кабинета» (1750). Берг-коллегия предписывалось впредь от Кольвано-Воскресенского горного начальства, которое уже и не под Сенатом, «никаких доношений» не требовать [41. С. 27, 30; 48. С. 265–267; 65. Т. 13. № 9822].

Когда граф Шувалов попытался ходатайствовать перед императрицей о передаче ему Кольвано-Воскресенских заводов, пользуясь возникшими сложностями у Кабинета в их эксплуатации «за оскудением лесов», императрица отклонила его притязания, заявив при этом, что заводы она «отнюдь не отдаст никому, но остаться им непременно яко Ее Величеству собственно принадлежащими, в ведомстве и управлении Кабинета» [19. С. 334]. Это вновь было подтверждено позднее в очередном указе императрицы Сенату «О неотложном исполнении требований кабинета к распространению выгод и к пользе Кольвано-Воскресенских заводов» от 12 января 1761 г. [65. Т. 15. № 11118].

Указом Екатерины II от 5 января 1763 г. «О хождении новой медной монеты, сделанной в Сибири на Кольвано-Воскресенских заводах» они «во всенародное известие» объявились «соответственно Нашими» [67. С. 58–59].

С образованием на территории Алтая казенного Департамента «для хозяйственного... и заводского правления» в именном указе Сенату от 1 мая 1779 г. «О учреждении Кольванской области» специально разъяснялось, что управление заводами переходит казенному Департаменту, находившемуся «под главным ведением нашего Кабинета», которому по-прежнему поступали доходы от заводов [65. Т. 20. № 14868; Т. 21. № 15476].

Указ от 5 января 1787 г. «О бытии Нерчинским заводам под ведением Кабинета» провозглашал: «Для приведения в хозяйственное устройство Нерчинских заводов и для удобнейшего оного управления повеливаем мы

заводы сии со всеми принадлежащими к ним строениями, инструментами и материалами, деньгами на производство оных и людьми как и горную Нерчинскую экспедицию отдать в ведомство Кабинета под особое распоряжение члена оного генерал-майора Соймонова на таком же основании как состоят Кольвано-Воскресенские заводы». В Нерчинскую горную экспедицию из Кабинета прислали вместе с данным указом и текст указа от 1 мая 1747 г., на основании которого уже в течение 40 лет Кольвано-Воскресенские заводы находились в ведении Кабинета, а также доклад управляющего Кабинетом А.В. Олсуфьева «О действии» Алтайских заводов на протяжении 1747–1759 гг. на имя Екатерины II. Все дела, касавшиеся Нерчинских заводов, из Берг-коллегии перешли в горную экспедицию при Кабинете [73. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–4].

При переходе Нерчинских заводов в ведение Кабинета определялось не только поступление в его доход «впредь привозимого» в Петербург на монетный двор серебра, но и того, которое находилось «в конторе разделения». Кабинет, в случае получения Нерчинскими заводами из государственного казначейства «некоторой суммы на содержание их для нынешнего (1787. – А.Ж.) года» обязан был «оную возвратить» в государственное казначейство.

Летом того же 1787 г. Нерчинская горная экспедиция получила из Кабинета еще один документ, важный для понимания нового положения Нерчинских заводов, хотя он касался непосредственно, казалось, только Кольвано-Воскресенских заводов. После издания 8 декабря 1786 г. именного указа Сенату повелевалось, чтобы взимаемые в стране штрафы поступали в доход государства. Перечисления в государственную казну штрафных денег Сенат потребовал и от Кольвано-Воскресенских заводов. Кольванская горная экспедиция обратилась в Горную экспедицию Кабинета за разъяснением, «повелено ли будет штрафные деньги, взимаемые с заводских чинов и служителей за разные ими в должностях упущения» отсылать в государственный доход. В ответ на этот запрос Кабинет 21 июля издал специальный указ: «Заводы же Кольвано-Воскресенские состоят в ведении Е.И.В., и доход от них получаемый взносится в комнатную сумму (подчеркнуто мною. – А.Ж.), к тому же прописываемые взыска́ния не есть в штраф поступающие, а единственно только возвращение вещей заводских, из чего, кроме настоящего по заводам употребления, никуда без особого именного Е.И.В. повеления отсылано быть не можно, о чем для ведома и дать знать в Кольванскую горную экспедицию». Копия данного указа за подписью П. Соймонова из Кабинета поступила в Нерчинскую горную экспедицию как руководство к действию [65. Т. 22. № 16496; 73. Ф. 31. Оп. 1. Д. 264. Л. 8–13, 15–24, 66].

Этот указ имеет исключительно важное значение для понимания содержания майских указов 1747 г. В нем Кабинет официально признавал, куда шли доходы от управляемого им хозяйства – в «комнату Е.И.В.».

Сам факт обращения к опыту «действия» Алтайских заводов под управлением Кабинета в момент создания его единого хозяйственного комплекса в Сибири весьма показателен. Он свидетельствует об уже сложившейся традиции претворения в жизнь законодательных актов, начиная с 1747 г.

В этой связи весьма важное значение имеет свидетельство К.Ф. Ледебуря, который, будучи в Барнауле в 1826 г., сделал запись: «В здании канцелярии есть зал заседаний, украшенный портретами царей и цариц, на столе заседаний в изящном футляре, который лежит на четырех позолоченных бронзовых сфинксах, покоящихся на красиво отшлифованном яшмовом постаменте, хранятся указы, санкционирующие права и привилегии местных металлургических заводов, а также инструкция для здешних начальников. Первым из этих указов издан в царствование императрицы Елизаветы в 1747 г.» [12. С. 148].

С переходом Нерчинских заводов в ведение Кабинета государственная казна лишилась части прибыли, «от тех заводов получаемой» [74. С. 306].

Владельческая принадлежность кабинетского хозяйства в Сибири нашла отражение и в законодательстве XIX в., что было прослежено Т.И. Агаповой и А.П. Бородавкиным. Ими были проанализированы именные указы, доклады управляющих Кабинетом, обретавшие силу закона после наложения императорской резолюции «Быть по сему». В начале 1800 г. после кратковременного пребывания Нерчинских заводов под контролем Берг-коллегии (с 1797 г.) управляющий Кабинетом граф Тизенгаузен подал на имя Павла I доклад «Об отдаче Нерчинских заводов со всеми к ним принадлежностями и лабораториею в ведомство Кабинета». В нем в обоснование необходимости возвращения заводов вновь «в ведомство Кабинета» с учетом существовавшей с 1787 по 1797 г. практики особо подчеркивалось: «...заводы, содержащие драгоценные редкости, ближе всего должны составлять часть кабинетского дохода, следующего прямо особе Государя». Краткая императорская резолюция гласила: «Быть по сему». А это означало, что с 1800 г. прибыль с Нерчинских заводов следовала «прямо особе Государя» [65. Т. 26. № 19311; 70. Оп. 20. Д. 349. Л. 1, 14, 15].

В августе 1800 г. Нерчинские заводы вновь оказались под управлением Берг-коллегии, на счет которой относились издержки по их содержанию, а доходы с заводов по-прежнему шли «особе Государя». В июне 1803 г. они опять были возвращены в ведение Кабинета, составляя, как и Кольвано-Воскресенские заводы, собственность императорского величества, что было особо подчеркнуто управляющим Кабинетом в записке в бывший Сибирский комитет от 20 апреля 1822 г. [70. Оп. 20. Д. 130. Л. 2; Д. 360. Л. 8; Д. 441. Л. 117].

Именным указом от 22 июля 1822 г. «О преобразовании Сибирских губерний по новому учреждению» объявлялось о соединении «звания Томского гражданского губернатора и начальника заводов... в одном лице» при исключительном праве на назначение и увольнение его Кабинетом, «в ведомстве коего» состояли «сии заводы». «Новое учреждение» коснулось только управления Томской губернией, заводы управлялись по-прежнему «на основании особенных о них постановлений». Чиновник, назначенный на должность гражданского губернатора и начальника заводов, мог решать вопросы, касавшиеся горнозаводского производства, только «относясь к Кабинету» [65. Т. 38. № 19121].

В учреждении об управлении Кольвано-Воскресенских горных заводов «от 16 апреля 1823 г. объявлялось (§ 2): «Все земли, равно озера и реки, находящиеся на пространстве,

занимаемом селениями приписных крестьян, заводами, рудниками, приисками, ломками цветных камней и другими заведениями, также Алтайские горы, лежащие между Бийскою линейною дорогою и Китайскою границею, принадлежат к ведомству Колывано-Воскресенских заводов». И скорее не столько об ограничении прав распоряжения землями, как полагает Г.П. Жидков, сколько об исключительном праве владения ими шла речь, когда утверждалось: «Земли заводского ведомства не разделяются ни в собственности, ни в оброк» в подтверждение ранее установленного порядка, согласно которому «все земли, леса... к заводскому ведомству принадлежащие» объявлялись изъятыми «из правил, по коим предназначается раздача земель чиновникам, в Сибирских губерниях служащим». Все вышеизложенное распространялось и на Нерчинские заводы [23. С. 62; 65. Т. 38. № 29124; 66. Т. 3. № 1960].

В именном указе от 14 апреля 1830 г. «О передаче в ведомство Министерства финансов Колывано-Воскресенских и Нерчинских сереброплавильных заводов» они названы принадлежащими Кабинету. Но там, где разъяснялось, на каких условиях совершалась передача, прежде всего уточнялось: «...заводы как и ныне, остаются частной собственностью нашею, одно управление оными передается Министру финансов», ему предстояло управлять заводами на «тех же самых правах», на которых управлял до этого «оними Кабинет». Вместе с заводами в Горный департамент передавалось существовавшее при Кабинете Горное отделение, «заведывающее оными» [67. С. 58–59].

Когда в 1855 г. Алтайские и Нерчинские заводы были возвращены в ведение Кабинета, в «Высочайше утвержденных правилах...» от 27 мая вновь нашло отражение ранее многократно встречавшееся несоответствие в определении собственника этих заводов. Они в названии и обосновании указа квалифицировались как «принадлежащие оному», т.е. Кабинету, но в тексте указа, как и во всех предшествующих законодательных актах, в статье 1 «правил» зафиксировано: «Алтайские и Нерчинские заводы, составляющие частную собственность Государя Императора и находившиеся с апреля 1830 г. в управлении Министерства Финансов по части Департамента Горных и Соляных дел, передаются в управление Кабинета Его Императорского Величества... без всякого за имущество оных платежа». До появления у Кабинета оборотного капитала «правилами» предусматривался отпуск денег на содержание заводов из государственного казначейства при ежегодном удержании их за счет поступлений с сибирских заводов на Санкт-Петербургский монетный двор золота и серебра [66. Т. 30. № 29365].

Через два года владельческая принадлежность кабинетского хозяйства в Сибири была официально зафиксирована в статьях Горного устава 1857 г. издания. На основании действовавшего до этого времени законодательства Горным уставом подтверждалось: «...пространство земель в Алтайских горах и в смежности их лежащих с состоящими на них рудниками и заводами, с городами и селениями к заводам сим приписанными», «все находящиеся в пространстве Нерчинской горной округи земли, леса, реки, озера, рудники, заводы, прииски цветных камней... составляют частную собственность Государя Императора и находятся под главным ведомством Кабинета Е.И.В.» [68. Т. 7. Ст. 1669, 1670, 2137, 2138, 2148, 2149].

Таким образом, по законодательству середины XVIII–XIX в. прослеживается, кто мог быть владельцем кабинетского хозяйства в Сибири. Оно свидетельствует о постоянстве и удивительной настойчивости в подчеркивании положения о принадлежности его царствующей особе. Документирование повторяющегося явления, в данном случае связанное с фиксацией в законодательстве за 100 с лишним лет владельческой принадлежности хозяйства Кабинета в Сибири, означает исторически обусловленную традицию, законодательное закрепление норм, правил, действовавших в отношении Алтайских и Нерчинских заводов после передачи их в ведение Кабинета.

Несмотря на то, что достаточно сложным по своему содержанию оказалось законодательство 40-х гг. XVIII в., в целом за время существования кабинетского хозяйства в Сибири оно дает представление о владельце Алтайского и Нерчинских округов. Трудно согласиться с утверждением М.Е. Сорокина, полагающего, что только с конца XVIII в. «впервые в источниках говорится о Колывано-Воскресенских заводах как о личной собственности императоров». Особенно любопытна убежденность М.Е. Сорокина в том, что авторами такого решения вопроса о владельце кабинетского хозяйства были чиновники Кабинета и канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, т.е. лица, непосредственно заинтересованные в том, чтобы создать особо благоприятные, на их взгляд, условия для существования горных предприятий в Западной Сибири. «Для того, чтобы доказать права горнозаводского хозяйства на особые привилегии, они не останавливались перед прямым искажением смысла ранее изданных правительственных указов» (подчеркнуто мною. – А.Ж.) [56. С. 168–171]. К сожалению, М.Е. Сорокин не приводит фактов искажения чиновниками, как он пишет, «правительственных указов».

Анализ содержания законодательных актов свидетельствует о том, что они носили характер именных указов, которые никто из чиновников исказить не мог. И чиновникам незачем было заботиться о создании особо благоприятных условий для развития кабинетского хозяйства в Сибири. Об этом заботились его владельцы – царствующие особы.

Всякое историческое исследование предполагает изучение источников, на основе которых может быть создан его фундамент. Во вступительном слове к «Малышевским чтениям» в мае 1978 г. академик Д.С. Лихачев говорил: «Наука – это многоэтажное здание. Как и всякое здание, она имеет фундамент – материал, который наука изучает; потом есть первый этаж – непосредственное изучение этого материала, а над этим возвышаются этажи «проблем» и «теорий», обобщений и гипотез... Никакое здание не может быть построено без первого этажа. Здание может быть одноэтажным, без второго этажа, но здание не может начинаться со второго этажа. Первый этаж всегда должен быть» [20. С. 263].

Представляется, что анализ законодательных актов, касающихся владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири, должен быть учтен при изучении истории его создания и функционирования.

Существенным в методологическом плане является положение, высказанное И.Д. Ковальченко и В.А. Тишковым по проблемам, не связанным непосредственно с рассмот-

ренными в данной статье: «Важное значение при постановке исследовательской задачи имеет объективный учет того, что было достигнуто в результате предыдущего изучения анализируемых или аналогичных явлений и процессов. При этом не следует проявлять ни нигилизма, ни консерватизма по отношению к результатам, достигнутым предшественниками, т.е. нельзя исходить из позиции либо полного отрицания, либо абсолютизации этих результатов. Любая односторонность в постановке исследовательской задачи ограничивает итоги изучения или вовсе может привести к ошибочным выводам» [29. С. 18].

К сожалению, при изучении принципиального характера проблем истории кабинетского хозяйства в Сибири невольно имели место и нигилизм по отношению к результатам исследований одних, и абсолютизация выводов других ученых. Это тем более досадно, что пересмотр некоторых положений, выводов, сделанных еще в 1960-е гг., ставший неизбежным и обязательным вследствие выявления материалов, которые ранее еще не были введены в научный оборот, ни в коей мере не может сколько-нибудь принизить вклад в развитие сибиреведения того или иного ученого, вывод которого может быть уточнен и даже пересмотрен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова Т.И., Изгачев В.Т., Карпенко З.Г., Романов В.В. Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII – середине XIX в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX). Новосибирск, 1982.
2. Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986.
3. Бородавкин А.П. Реформа 1862 г. на Алтае. Томск, 1972.
4. Бородавкин А.П., Масляниковский С.И. Заводской поселок Сузун в 1764–1911 гг. // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986.
5. Бояршинова З.Я. О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири: (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973.
6. Брем А. Путешествие по Алтаю (отрывки из дневника) / Предисл. и пер. с нем. Л.В. Малиновского // Алтайский сборник. Вып. 15. Барнаул, 1992.
7. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974.
8. Булыгин Ю.С. Характеристика социальной сущности приписного крестьянства на материале миграций населения Кольвано-Воскресенского горного округа // Из истории Алтая. Томск, 1978.
9. Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в.: В 2 ч. Ч. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1997.
10. Винникова Т.М. Города Алтая в первой половине XIX в. // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986.
11. Винникова Т.М. Динамика численности горнозаводского населения Нерчинского горного округа в первой половине XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991.
12. Вишков О., Завалишин В. Предисловие // Ледебур К.Ф. и др. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер; Пер. с нем. В.В. Завалишин, Ю.П. Бубенков. Новосибирск: ВО «Наука»; Сиб. изд. фирма, 1993.
13. Волчек В.А. Об экономическом положении приписной деревни Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в конце XVIII – первой половине XIX в. Кемерово, 1992.
14. Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимика Алтая. Томск, 1980.
15. Горская Н.А., Никитин Н.И. История крестьянства Сибири // История СССР. 1984. № 6.
16. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
17. Громько М.М. Некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Киев, 1962.
18. Громько М.М. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма // Вопросы истории. 1984. № 9.
19. 200-летие Кабинета Е.И.В. 1704–1904. СПб., 1911.
20. Древнерусская книжность по материалам Пушкинского дома: Сб. науч. тр. Л., 1985.
21. Жеравина А.Н. Законодательство дореформенной России как источник для определения природы кабинетского землевладения в Сибири // Проблемы источниковедения истории Сибири. Барнаул, 1992.
22. Жеравина А.Н. Поступления в «комнату Е.И.В.» от кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000.
23. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение. 1747–1917. Новосибирск, 1973.
24. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников и из других сведений. СПб., 1833.
25. Иванченко Н.В. Горнозаводской поселок Павловск (1763–1861 гг.) // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1991.
26. История Алтая: Учеб. пособие. Барнаул, 1983.
27. История Сибири: Учеб. пособие. Томск, 1987.
28. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII в. Т. 1. М.; Л., 1949.
29. Ковальченко И.Д., Тишков В.А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской историографии: Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 и г. Таллине, 1981. М., 1983.
30. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973.
31. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
32. Кричевцев М.В. Кабинетская система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.
33. Макеев Т.К. Из истории развития промышленности на Алтае (1727–1917). Барнаул, 1951.
34. Мамсик Т.С. Сибирская крестьянская заимка в дореволюционный период // Земледельческое и промысловое освоение Сибири. XVII – начало XX в. Новосибирск, 1985.
35. Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизм формирования и функционирования аграрно-промысловой структуры. Новосибирск, 1989.
36. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири: вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987.
37. Мамсик Т.С. Кайлинская волость: опыт изучения социально-экономической структуры приписной деревни Западной Сибири по материалам Окладных книг 1850-х годов // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1992.
38. Мамсик Т.С. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 г. Новосибирск, 1998.
39. Мамсик Т.С. Традиционные типы зажиточного крестьянства Сибири (итоги волостной статистики) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. М., 2000.
40. Миненко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1981.

41. Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма: Учеб. пособие. Новосибирск, 1986.
42. Миненко Н.А. Развитие феодальных отношений и генезис капитализма в Сибири (конец XVI – первая половина XIX в.): Учеб. пособие. Новосибирск, 1988.
43. Никишина Н.В. Численность и структура семьи мастеровых и рабочих людей горнозаводской промышленности Алтая во второй половине XVIII в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991.
44. Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987.
45. Побережников И.В. Сословно-групповые особенности крестьянских выступлений в Западной Сибири XVII века // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Бахрушинские чтения 1990 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1990.
46. Прудникова Т.П. Крестьянский протест против сословной неравноправности в пореформенной западносибирской деревне (60–90-е гг. XIX в.) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (Классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975.
47. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
48. Русаков К.В. Миграции приписного крестьянства в Кольвано-Воскресенском (Алтайском) округе в первые три десятилетия XIX в. // Барнаул 250 лет: Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. 1–2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980.
49. Разгон В.Н. Купечество и кабинетское хозяйство на Алтае во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: К вопросу о подрядах как источнике накопления капиталов // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 1990.
50. Разгон В.Н. Обслуживание кабинетского горнозаводского производства // Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.
51. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999.
52. Соболева Т.Н. Об управлении городами и горнозаводскими поселками Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в. // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986.
53. Соболева Т.Н. Управление Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа // Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.
54. Соболева Т.Н. Управление приписными крестьянами Алтайского округа в 20–50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Вып. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
55. Соболева Т.Н. Административно-территориальное устройство Алтайского округа в 1856–1917 гг. // Проблемы истории местного управления Сибири XV–XX веков: Материалы III региональной науч. конф. 19–20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998.
56. Сорокин М.Е. Горнозаводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747–1779 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965.
57. Толстов С.И. Окладные книги и их использование в исследованиях истории алтайской приписной деревни // Проблемы источниковедения Сибири. Барнаул, 1992.
58. Толстов С.И., Леонов В.П. Хозяйственная типологизация кабинетских земель Западной Сибири в 20–50-е гг. XIX в. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 2. Вологда, 1992.
59. Толстов С.И., Леонов В.П. Опыт изучения хозяйственного состояния алтайского приписного крестьянства методами многомерной статистики // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Томск, 1994.
60. Толстов С.И. Еще раз к спорным вопросам по социально-экономической истории алтайской приписной деревни первой половины XIX в. // Человек в истории: Памяти профессора З.Я. Бояршиновой. Томск, 1999.
61. Толстов С.И. К вопросу о хозяйственной типологизации алтайской приписной деревни 20–50-х гг. XIX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2000.
62. Толстов С.И. Крестьяноведение: предмет, трудности становления, региональный аспект // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина, 6–7 октября 1999 г. Барнаул, 2000.
63. Толстов С.И. Об изучении истории алтайской приписной деревни первой половины XIX в. // Труды второй сибирской школы молодого ученого, 20–22 декабря 1999 г. Т. 4. История, правоведение. Томск, 2000.
64. Толстов С.И. К вопросу о методике группировки алтайских приписных крестьян предреформенного периода XIX в. // Вестн. ТГПУ. № 4. Гуманитарные науки – история. Томск, 2000.
65. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830.
66. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1856.
67. Сборник указов по монетному и медальному делу. Вып. 3. СПб., 1887.
68. Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. СПб., 1857. Т. 7.
69. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1401. Оп. 1.
70. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468.
71. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 1. Оп. 1.
72. Государственный архив Томской области (ГАТО).
73. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 31. Оп. 1.
74. Финансовые документы царствования Екатерины II / Собр. А.Н. Куломзин // Сборник Имп. Русского ист. общества. СПб., 1880. Т. 38.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 30 ноября 2004 г.